

РУДЪ

2
Mark

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Geogründet von I. Hassen, Prof. A. Kaminko, W. Nabokoff †

Подписная цѣна, въ шесть почтовыхъ учрежденій Германіи 12 маръ въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой собственными разсылками ежедневно на домъ — 15 маръ, при ежемесячной непосредственной высылкѣ бандеролью — 60 маръ въ Австрію, Вѣнѣ Германіи: Во Францію, Бельгію, Голландію, Данію, Норвегію, Швецію, Италію, Швейцарію, Испанію, Америку, Финляндію, Чехо-Словакію, Румынію, Югославію, Болгарію, Турцію, Грецію — 120 герм. маркъ, Англію — 4 шилл. Литву, Венгрію, Эстонию, Латвію, Польшу — 80 герм. маркъ, Австрію — 50 герм. маркъ въ мѣсяцъ. Къ заказу просить прилагать деньги, во избежаніе замедленія высылки.

Объявленія: основная плата 5 м. за строку неиздѣланныхъ строкъ — одна дватридесятая часть строки, для врачей, присяжныхъ новобранныхъ, починныхъ мѣстъ и для разнаго рода мѣстъ. Строка объявленій въ текстѣ газеты 4 герм. марк., крупнѣе заглавья, казенная цѣна не обязательна. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Приемъ объявленій и подати въ „Ullsteinhaus“, Berlin SW 68, Kochstrasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ „Ullstein“, а также и въ редакціи газеты „Rudol“, Berlin SW 68, Markgrafstrasse 73. Редакція открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 3 часовъ вечера. Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 12 до 13 часовъ дня. Телефонъ редакціи: Moritzplatz 7-51.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Основанъ **И. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминки и В. Д. Набоковымъ †**

№ 422-й

Среда, 5 апрѣля (23 марта) 1922 г.

2-й г. изд.

В. Д. Набоковъ въ гробу.

Наши умы и сердца вотъ уже сколько лѣтъ воспринимаютъ безконечные ужасы жизни. Море крови, бедная страданій, неслыханные кошмары действительности давятъ и гнетутъ наше воображеніе. И все же, какъ ни привыкли мы къ невѣроятнымъ самымъ ужаснымъ, самымъ невѣроятнымъ, вѣсть о трагическомъ концѣ Владимира Дмитріевича потрясаетъ до глубины души и наполняетъ сердце невыразимой скорбью со всей силой первыхъ горестныхъ воспріятій. Сейчас, когда надъ гробомъ Владимира Дмитріевича совершаются послѣднія пѣсопѣнія и льются горькія слезы, я хочу послать къ этому гробу свой вѣнокъ воспоминаній и чувствъ, связанныхъ съ дорогимъ образомъ покойнаго.

Я зналъ его около двадцати лѣтъ. Я встрѣчалъ его и въ минуты торжества и счастья по поводу радостныхъ событий русской жизни, и въ моменты ея трагическаго распада и безвы-

ходныхъ затрудненій. И всегда то неизмѣнное впечатлѣніе, которое онъ оставлялъ, было впечатлѣніе спокойнаго достоинства и самообладанія, здраваго и твердаго сужденія, благороднаго изящества мысли и рѣчи. И статьи и рѣчи его дѣйствовали прежде всего своей спокойной, убѣждающей логикой, своей благородной изящной ясностью. Въ первой Думѣ спокойная твердость его глубокаго убѣжденія вліяла нѣрѣдко сильнее, чѣмъ громы и перуны его сотоварищей. Такимъ спокойнымъ и яснымъ оставался онъ вездѣ и всегда, — на каеедрѣ высшей школы, на войнѣ въ качествѣ офицера запаса, на отвѣственномъ посту государственнаго служенія. Такимъ явилъ онъ себя и въ тотъ роковой моментъ, когда, не колеблясь и, не думая о себѣ, всталъ на защиту того, кого называлъ своимъ другомъ-противникомъ...

Въ прошломъ году мнѣ приходилось встрѣчаться съ Владѣтромъ

Дмитріевичемъ въ новыхъ условіяхъ жизни и дѣятельности на чужбинѣ. Я съ радостью наблюдалъ здѣсь не только его внѣшніе успѣхи, но и огромный духовный ростъ. Великая русская разруха всѣхъ насъ поставила передъ безконечно-сложными и страшными задачами и загадками. Иныхъ она духовно раздавила, другихъ заставила какъ бы застыть и оцѣпенѣть въ неизмѣнности старыхъ мыслей и чувствъ. Владимиръ Дмитріевичъ показалъ яркій и замѣчательный примѣръ того, что можно, не отрѣшившись отъ безспорныхъ началъ справедливости и свободы, искать для ихъ осуществленія новыхъ путей внѣ иллюзіи интеллигентскаго самообольщенія и внѣ предразсудковъ партійнаго догматизма.

27 марта, наканунѣ дня его смерти, я получилъ его послѣднее письмо, въ которомъ онъ ставилъ вопросъ: «Какія слова сейчасъ нужны и дѣйственны? Какія струны надо задѣть

въ совѣсти и сердцѣ? Куда, къ чему, звать? Во всемъ разувѣрились... А что то нужно, какой то новый подходъ, — или и это иллюзія?..»

Я не успѣлъ отвѣтить ему. Но если бы я могъ ему написать, я прежде всего напомнилъ бы ему его собственное недавнее слово: «Россію надо не только любить, но и беречь». Я сказалъ бы ему, что въ его совѣсти и сердцѣ намъ уже слышатся тѣ слова, которыя учатъ насъ по новому любить Россію и по новому вѣрить въ нее...

Этихъ нашихъ словъ, къ нему обращенныхъ, онъ уже не услышитъ. Но пусть тѣмъ тверже звучатъ для насъ его слова и да живетъ неизгладимо въ нашей памяти его свѣтлый образъ — образъ вѣрнаго сына родины и благороднѣйшаго человѣка и гражданина.

П. Новгородцевъ.

Прага, 31. 3. 1922 г.